

Илья в ссоре с Владимиром

А тот ли-то князь да стольнѣ-киевской
А й сделал как задёрнул свой почестной пир
Для князей, для бояр да для богатырей,
А для тых богатырей да русскиих,
Чтобы всяко званіе да шлѣ туды
А на тот, на тот да на почестный пир
А к стольнему князю ко Владимиру.
Да забыл он позвать да что лучшаго,
А что лучшаго да лучшаго богатыря,
А старого казака Илью Муромца.
Да тут-то ведь к Ильюше не к лицу пришло,
А не к лицу пришло, стало похабно есть,
И тут-то Илья да роззадорился,
А тут-то Илья да розретивился.
Как скоро натянул он свой тугой лук
А клал он тут стрелочку каленую,
А тут-то сам Ильюшенка роздумался:
— А что мне, молодцу, будѣ поделати?
А я нынѣ молодец е розгневанной,
А я нынѣ молодец есть роздрáженной.
Как он-то за тым тут повѣдумал,
А стрелѣл-то он тут по божьѣм церквам,
А по тым стрелѣл по чудным крестам
А по тым маковкам золоченым.
Да пали тут тыи маковки,
Да пали тут, отпали на сырѣ землю,
Да сам он закрычал тут во всю голову:
— Да ай же вы были гѣли мои,
А голи мои вы кабацкии,
А доброхоты-то вы еще царскии!
А собирайтесь-ко вы да сюдá-то вси,
А обирайте маковки вси золочѣныи.
А подѣмте-ко вы да со мной еще
А тот-то на тот да на царев кабак,
Как станем нунѣ пить да зеленá вина,

Да станем-то пить да заодно со мной.

Да как тут-то эти да го́ли были,
А голи были оны кабацкии,
А доброхоты всё были царскии,
Обирали маковки тыи золочёныи,
Самы оны к ему да прибегают все:
— А батюшко ты да отец наш был!

А пили тут оны да зеленó вино,
Как пили тут оны да заоднёшенько.
Да как видит-то князь, что беда пришла,
А беда-то пришла да неминучая,
Да как тут-то он да е скорым-скорó,
А скорым-скорó, скорó-скорéшенько,
А сделал он задернул тут почостный пир
А для старого казака Ильи Муромца.
Да тут-то ведь князь да стольнё-киевской,
Да тут-то ведь он еще думал есть
Со князьями со бояры со русийскима,
А со тыма со могучима богатырмы:
— А думайте-тко, братцы, вы нунь думушку,
А думайте-тко, братцы, думу крепкую,
А думайте думу, не продумайте:
А нам кого будёт послать да Илью́ позвать,
А позвать сюды к нам на почестной пир,
А старого казака Илью́ Муромца?

А как тут-то они да думу думали:
— А нам-то есть кого послать Илью́ позвать?
А пошлем-ко мы Добрынюшку Микитича,
Он ёму да ведь брат крестовыйи,
А крестовыйи-то братец да назв́аныи,
Дак он-то, бывает, его послушает.

Как тут-то Добрынюшка Микитинич
А приходит-то он братцу до крестовому,
Да как здравствует он братца да крестоваго:
— А здравствуй-ко, братец мой крестовыйи,
А крестовыйи братец мой назв́аныи!

Да как старыйи казак Илья Муромец
Да как он-то его да также здравствует:
— Ай здравствуй-ко, брат мой крестовыйи,

А молодой Добрынюшка Микитинич!
Ты зачем же пришел да загулял сюда?
— А пришел-то я, братец, загулял к тебе,
А о деле-то пришел да не о малоем.
Да у нас-то с тобой было раньше того,
А раньше того дело поделано:
А пописи были пописаныи,
А заповеди да поположоныи,
А слушать-то брату да меньшому,
А меньшому слушать брата большого.
Да еще-то как у нас да есте с тобой
А слушать-то брату ведь большому,
А й большому слушать брата меньшаго.

Да тут говорит Илья таково слово:
Ах ты братец да мой да был крестовыйи!
Да как нунечку топеречку у нас с тобой
А все-то пописи да были ведь пописаны,
А заповеди были поположены,
А слушать-то брату ведь меньшому,
А меньшому слушать да большаго,
А большому слушать брата меньшаго.
Кабы не братец ты крестовый был,
А некого бы я не послушал zde!
Дак послушаю я братца нунь крестоваго,
А крестоваго братца я названаго.
А тот ли-то князь стольне-киевской
А знал-то послать меня кого позвать!
Когда ты меня, Добрынюшка Микитинич,
Меня позвал туды да на почестной пир,
Да я тебя, братец, же послушаю.

Да приходит он к князю к Володимеру
Да тот старый казак да Илья Муромец
А со тым с Добрынюшкой с Микитичем,
А со братом со своим да со крестовым.
А дают ему тут место не меньшое,
А не меньшое место было — большое,
А сядят-то их во большій угол,
А во большой угол да за большой-от стол.
Да как налили тут чару зеленá вина,

А несли эту чару рядѳм к ему,
А к старому казаку к Ильи к Муромцу.
Да как принял он чару единой рукой,
А выпил он чару во единой здох.
А другу наливали пива пьянаго,
А несли эту чару рядѳм к ему,
А принял тут Ильюша единой рукой,
Еще выпил он опять тут во единой здох.
Как третью наливали меду сладкаго,
Да принял молодец тут единой рукой,
Еще выпил он опять тут во единой здох.
Тут наелиси, напились вси, накушались,
Да стали тут оны да вси пьянѳшеньки
А стали тут оны вси веселешеньки.
Как говорит Илья тут таково слово:
— Ай же ты, князь стольнѳ-киевской!
А знал-то послать кого меня позвать,
Послал-то братца ко мне ты крестоваго,
А того-то мни Добрынюшка Никитича.
Кабы-то мни да ведь не братец был,
А некого-то я бы не послухал zde,
А скоро натянул бы я свой тугой лук,
Да клал бы я стрелочку каленую,
Да стрелил бы ти в гридню во столовую,
А я убил бы тя князя со княгиною.
За это я тебе-то нунь прощу
А эту вину да ту великую.

*(Записано 26 июля 1871 года от Никифора Прохорова из деревни Бураковой
Пудожского уезда.)*

Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года.
Изд. 4, т. I, 1949. М. — Л.